

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 9 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 341 с.

ISBN 978-5-519-75386-9

ISBN 978-5-519-75386-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТУДЕНТЫ

РОМАНЪ

I.

Знакомы-ли вы съ Ястребинскимъ, Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ? Не знакомы? Удивительно. По крайней мѣрѣ вы слышали о немъ и имѣете понятіе, что это за личность? Даже не слышали? Странно. Ксенофонтъ Алексѣевичъ былъ «человѣкъ занятный». Положимъ, не изъ тѣхъ, къ которымъ именно относится эти поставленные въ кавычкахъ слова, и, можно сказать, совсѣмъ изъ другой оперы герой. Однако-жъ позвольте. Рѣшительно говорю, Ксенофонтъ Алексѣевичъ имѣлъ свыше предназначеніе быть свѣтильникомъ и стоять «наверху горы». Ну, что дѣлать — не вышло! То есть нельзя сказать, чтобы онъ ужъ совсѣмъ не оправдалъ своего предназначенія. Напротивъ.

Если на то пошло, то есть, если ужъ рѣчь коснулась предназначеній, то неизвѣстно еще, какое именно онъ долженъ былъ оправдать. Не нами и не сегодня сказано: «человѣкъ предполагаетъ» и т. д. Онъ во всякомъ случаѣ лицо интересное, и я хочу о немъ рассказать, что знаю.

Но какая странность! Съ первыхъ же строкъ я испытываю нѣкоторое чувство неудовольствія и даже смущенія. Представьте, — неловкость. Выходить, напримеръ, ораторъ на эстраду, развязно раскланивается, расшаркивается, и только-что хочетъ начать свою рѣчь, какъ вдругъ его озаряетъ сознаніе, что въ ней есть нѣчто непріятное и кое-для-кого даже обидное, что самое бы лучшее съ его стороны ничего не гово-

рить. Онъ въ смущеніи, онъ косится направо и налево, поправляетъ галстукъ и вдругъ, видимо побѣдивъ свои сомнѣнія, громко начинаетъ: «милостивые государи, хотя я и колебался... и вообще... но все-таки благоразумнѣе будетъ съ моей стороны помолчать». И уходитъ.

Нѣчто подобное слѣдовало-бы и мнѣ сказать, такъ какъ и я тоже колебался «и вообще». Но, разъ началъ, останавливаться уже незачѣмъ.

Скажу прямо. Причина смущенія заключается въ томъ, что, говоря о наружности такого талантливаго человѣка, каковымъ несомнѣнно былъ Ксенофонтъ Алексѣевичъ, я поставленъ въ необходимость замѣтить, что ею онъ не отличался отъ самыхъ, такъ сказать, обыденныхъ людей. Пройди онъ сто разъ мимо—вниманія никто не обратитъ. Мало того, иной, ничтожный по сравненію съ нимъ человѣкъ, окинувъ его бѣглымъ взглядомъ, могъ даже и непріятную гримасу скорчить вслѣдъ ему, ничуть не подозревая, что самъ недостойнъ, такъ сказать, «отрѣшннть ремень сапогу его». Согласитесь, не обидно-ли это? Талантливый человѣкъ, а по наружности его приходится сравнивать съ такими лицами, какихъ повсюду тысячи. Вотъ это меня главнымъ образомъ и смущаетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ, по фигурѣ и по манерамъ своимъ, напоминаетъ тѣхъ фрачниковъ, знатоковъ юридическихъ наукъ, которые въ наши дни не въ мѣру расплодились всюду, какъ клопы въ старомъ диванѣ. Хуже! Онъ, своею странной привычкой ходить съ озабоченнымъ выраженіемъ лица и съ необыкновенною при этомъ поспѣшностью, сильно смахивалъ на биржевыхъ зайцевъ и маклеровъ, рыскающихъ по городу съ утренней зари до вечерней и высматривающихъ съ жадностью голоднаго волка, нѣтъ-ли гдѣ поживы ихъ отвратительнымъ инстинктамъ.

Фрачники—народъ мелкій, и сравненіе съ ними для Ксенофонта Алексѣевича, разумѣется, можетъ быть обиднымъ. Но биржевые зайцы!.. Позвольте. Биржевые

зайцы, мнѣ думается, даже и не народъ. Это что-то такое, что необходимо истреблять какими-нибудь противозаразными средствами, въ родѣ, наприимѣръ, карболовой кислоты.

Къ слову сказать. Въ нашей современной жизни весьма распространенъ типъ такого скорохода, вѣчно озабоченнаго какими-то необычайно спѣшными дѣлами. У иного изъ нихъ еще только, только-что начинается пробиваться на подбородкѣ первый пушокъ, а уже дѣлъ, которыми онъ озабоченъ, не перечесть. Такой скороходъ мечется по городу въ концѣ въ конецъ, точно собака, потерявшая дорогу. Древнее выраженіе «бѣгаетъ нечестивый, ни единому-же гонящу» — кажется именно къ нему относится, потому что, въ самомъ дѣлѣ, за нимъ никто не гонится, а онъ бѣжитъ сломя голову. И дѣла у него все какія-то необыкновенныя, доведенныя почему-то до такой крайности, что вотъ опоздай только одну минуту — и все прахомъ пойдетъ. То у него послѣдній срокъ на подачу кассационной жалобы, по послѣдній граціонный день для предъявленія векселя къ протесту, то на биржѣ какая-то чертовщина съ процентными бумагами, вдругъ упавшими съ повышенія на пониженіе, игра которыми называется почему-то торговлей. Бѣжитъ онъ по улицѣ, какъ и слѣдуетъ, разумѣется, бѣжать такому человѣку, отъ непрошенныхъ услугъ котораго приходится какъ отъ чорта отрещиваться. Встрѣтится съ пріятелемъ — пролетитъ шаговъ десять впередъ, прежде чѣмъ успѣетъ остановиться. Пріятель кричитъ «стой!» и потомъ безцеремонно схватываетъ его за рукавъ пальто. Скороходъ теряется, кидаетъ тревожный взглядъ направо и налево, а потомъ, моментально оправившись отъ смущенія, начинаетъ увѣрять въ вѣчной преданности и озабоченно осифдомляется о здоровьѣ. Случается такъ, что пріятель, простодушный и довѣрчивый человѣкъ, приметъ эту фальшивую озабоченность за искреннее участіе и начнетъ размазывать свои отбѣты, что вотъ, молъ, такъ-то и такъ-то и «вообще плохо живется».

Онъ воображаетъ, по простотѣ своей, что скороходъ задумчиво смотритъ себѣ подъ ноги именно потому, что вслушивается въ его отвѣты, а думы скорохода давнымъ-давно уже сосредоточены на томъ, какъ-бы поудобнѣе и сохраняя притомъ приличіе провалиться отъ пріятеля сквозь землю.

Иной, бойкій и сообразительный человѣкъ, постигшій сущность той мрачной истины, что «чѣмъ ближе узнаешь людей, тѣмъ больше любишь собакъ», безцеремонно обрываетъ такого скорохода на первомъ-же его радушномъ вопросѣ о здоровьѣ и съ нескрываемою рѣзкостью говорить:

— Оставь. Тебѣ этотъ тонъ вовсе не идетъ.

Скороходъ притворно улыбается и треплетъ мрачнаго человѣка по плечу.

— Какой веселый ты, мой другъ! Балагуръ! Извини, — спѣшу! — торопливо отвѣчаетъ онъ и летитъ безъ оглядки впередъ, твердо помня, что волка ноги кормятъ.

Вотъ съ какими лицами, къ немалому прискорбію моему, я принужденъ сравнивать Ксенофонта Алексѣевича по внѣшнему его виду. Что дѣлать, изъ пѣсни слова не выкинешь. Слѣдуетъ, однако, помнить, что наружность иногда обманчива бываетъ. И если Ксенофонтъ Алексѣевичъ, дѣйствительно, имѣлъ привычку ходить скоро, то онъ же при первомъ столкновеніи съ пріятелемъ моментально преобразовывался. Бывало, столкнется грудь съ грудью—и куда вся прыть пропадетъ. Пріятель смотритъ и дивится: предъ нимъ вмѣсто озабоченно спѣшившаго человѣка—тихий, почти робкій юноша съ потупленнымъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ глазъ и вкрадчивымъ тономъ рѣчи. Было даже въ выраженіи его лица, блѣднаго съ желтоватымъ оттѣнкомъ, и въ характерѣ волнистости его свѣлорусыхъ кудрей нѣчто загадочное, вовсе даже какъ-бы и не русское..

Однако-жъ я забѣгаю впередъ и въ портретѣ лица, рекомендуемаго мною вниманію читателя, обозначаю

такія черты, которыя при дальнѣйшемъ развитіи романа должны сами собою опредѣлиться.

II.

Впрочемъ, позвольте. Мнѣ необходимо кой-въ-чемъ условиться съ читателемъ. Я уже замѣчаю, что онъ на первыхъ строкахъ чтенія начинаетъ хмуриться, покашливать и съ нервною торопливостью передлистываетъ страницы, желая напозвожно скорѣе узнать, что именно хочетъ авторъ сказать о студентахъ и какъ вообще относится къ нимъ. И, представьте, какое возможно со стороны читателя разочарованіе, если мы съ нимъ заранее, такъ сказать, не споемся. Онъ будетъ ждать одного, а я буду настойчиво рассказывать о другомъ. Ему захочется, и непремѣнно сейчасъ-же, на первыхъ же страницахъ, найти разрѣшеніе именно тѣхъ вопросовъ, которые его беспокоятъ, а я, какъ на зло, не имѣю ничего общаго ни съ какими его вопросами и рассказываю лишь о томъ, что мнѣ представляется интереснымъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой жизни вообще, а не студенческой или какой-либо иной въ частности. Я, напримѣръ, смѣю думать, что и студенты, и купцы, и чиновники, и всякаго иного званія люди прежде всего представляютъ интересъ именно какъ люди, а не какъ студенты, купцы и тому подобное; читатель же, быть можетъ, интересуется не столько духовною жизнью человѣка вообще, всегда и всюду безконечно разнообразною и загадочною, сколько занимательными частностями изъ жизни даннаго быта, и ждетъ отъ меня главнымъ образомъ описанія подробностей студенческой жизни, ихъ сходокъ и такъ далѣе.

Извините. Заранѣе предупреждаю,—ничего подобнаго въ предлагаемомъ трудѣ читатель не найдетъ. Интересовався я нѣсколькими лицами, лѣтъ съ десяткъ тому назадъ встрѣчавшимися мнѣ среди учащейся молодежи, и вотъ о нихъ-то, главнымъ образомъ, и

хочу рассказать, что знаю и, разумеется, то, что можетъ представить интересъ знакомства съ ихъ духовною жизнью, образомъ мыслей, сердечными увлечениями и т. д. Именно только о нихъ я хочу рассказывать, а не о студентахъ вообще.

Но даже и при такой оговоркѣ я все еще нахожусь въ нѣкоторомъ смущеніи насчетъ отношеній моихъ къ читателю и изъ предосторожности признаю нужнымъ привести здѣсь нѣсколько словъ Гоголя, по времена котораго, какъ оказывается, было въ обществѣ точно такое же раздраженіе противъ печатнаго слова, какое замѣчается и въ наши дни. Вотъ что онъ говорить:

«Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочить господинъ почтенной наружности и заключить: «вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ»; словомъ, въ мигъ смекнетъ въ чемъ дѣло».

Согласитесь, что такихъ господъ «почтенной наружности» и въ наши дни повсюду довольно. Если они теперь отличаются, можетъ быть, нѣсколько большею, чѣмъ во времена Гоголя, сообразительностью, то во всякомъ случаѣ раздражительность ихъ (не безъ достаточныхъ, нужно замѣтить, основаній) возросла съ тѣхъ поръ пропорціонально увеличенію числа органовъ «великой и малой прессы» и ея безцеремонности въ обращеніи съ печатнымъ словомъ.

Весьма возможно, что и между представителями великой и малой прессы (имъ же нѣсть числа) найдется немало такихъ, которымъ покажется обиднымъ не только намекъ на ихъ безцеремонность, но и самая точка зрѣнія автора на предметъ, несомнѣнно, по ихъ мнѣнію, отсталая и поэтому ложная, какъ-будто только то и истинно, что сказано вчера. Того и жди, что выскочить откуда-нибудь, съ великою, разумеется, по-

спѣлностью и задоромъ, защитникъ прогресса и начнетъ сыпать словами.— «Ка-а-къ! — скажетъ, — вы о студентахъ и съ такими оговорками, вы о прессѣ и такъ неодобрительно! Позво-о-льте!.. Вы, милстаре, умственно ограниченный человѣкъ!» Начнетъ онъ запаливать именами, одно другого авторитетнѣе: Милль, Ренанъ, Спенсеръ и т. д., и не столько для того, чтобы разбить ими всѣ доводы и мнѣнія автора, сколько съ тою безпокойною мыслью, чтобы его самого какъ-нибудь не заподозрили въ отсталости и умственной ограниченности.

Конечно, можно отвѣтить, что хотя имъ и приведены имена людей авторитетныхъ, но что есть въ европейской литературѣ и другія имена не менѣе авторитетныя, которыхъ тоже не мѣшаетъ имѣть въ виду, если ужъ коснется разговоръ о благахъ современнаго прогресса. Можно, наконецъ, добавить, что о его умственной ограниченности никто даже не заикается и что, вѣроятно, онъ самъ какъ-нибудь случайно о ней догадался. Но удовлетворится-ли онъ такимъ отиѣтомъ?

Впрочемъ, замѣчаю объ этомъ лишь въ видѣ предположенія и не столько для огражденія себя отъ чьей-либо раздражительной притязательности, сколько для того, чтобы сразу стать въ ясныя и опредѣленныя отношенія къ читателю.

III.

Я хотѣлъ бы привести здѣсь какіе-нибудь случаи изъ дѣтской жизни моего героя, въ періодъ которой иногда съ необыкновенной яркостью обрисовывается будущій человѣкъ; но, къ сожалѣнію, такихъ примѣровъ почти нѣтъ. Ограничусь только одной чертой, и то уже не изъ дѣтскаго возраста.

Какъ-то весною, родственникъ, на счетъ котораго онъ жилъ, уѣзжая изъ Петербурга на долгое время, оставилъ ему деньги на личные расходы. Сознавая

свое неумѣнье съ ними обращаться, Ксенофонтъ Алексѣевичъ избралъ себѣ казначея между знакомыми и передалъ ему деньги съ настоятельной просьбой держать ихъ крѣпче и, несмотря ни на какія съ его стороны настоянія, не выдавать иначе, какъ только разъ въ мѣсяцъ и притомъ въ извѣстной суммѣ. Однакожь, не прошло и двухъ недѣль послѣ первой выдачи, какъ онъ уже явился къ казначею. Казначей напомнилъ было объ условіи, но все-таки отказать въ выдачѣ не рѣшился, сознавая, разумѣется, что Ксенофонтъ Алексѣевичъ можетъ распоряжаться своею собственностью, какъ хочетъ. Черезъ недѣлю онъ опять пришелъ и съ той-же фразой, съ какой обыкновенно начиналъ свой разговоръ о деньгахъ:

— А я къ вамъ-съ...

На этотъ разъ казначей уже не нашелъ нужнымъ напоминать объ условіи. Такъ повторялись его визиты одинъ за другимъ. Придетъ, проговоритъ свое обычное вступленіе: «а я къ вамъ-съ» и, получивъ просимую сумму, уходитъ.

Однажды онъ пришелъ къ хранителю своихъ капиталовъ такой-же, какъ и всегда, скромный и по-обыкновенію проговорилъ:

— А я къ вамъ-съ...

Казначей не безъ удивленія покосился на него, однакожь пригласилъ сѣсть.

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Да тѣмъ-же-съ...

— То есть, какъ же это? Насчетъ чего вы?

— Насчетъ деньжонокъ... Миѣ на этотъ разъ даже не много и нужно.

— Но позвольте. Вѣдь вы ужъ все забрали, припомните.

Отъ такого неожиданнаго оборота дѣла Ксенофонтъ Алексѣевичъ пришелъ въ необыкновенное смущеніе, точно его окатили холодной водой.

— Что-же это вы со мной сдѣлали?—возразилъ онъ наконецъ, разводя руками. — Я же васъ просилъ де-